O‘ZBEKISTON MILLIY UNIVERSITETI XABARLARI, 2026, [14]
ISSN 2181-7324(Print)

FILOLOGIYA
http://journals.nuu.uz
Social sciences
ISSN 3093-8996(Onlayn)

УДК: 821.222.8-31:821.161.1:821.133.1

Махмуд АБДУЛЛАЕВ,
Преподаватель, Термезского государственного университета, Термез, Узбекистан
E-mail: abdullayevmaxmud@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1011-5613

По рецензии кандидата педагогических наук, доцент И.Нармурадова

THE IMAGE OF THE USURER IN SADRIDDIN AYNI’S NOVELLA “THE DEATH OF THE USURER” AND THE EUROPEAN TRADITION OF THE SATIRICAL PORTRAIT OF THE MISER

Annotation

The article examines the image of Qori-Ishkamba, the protagonist of Sadriddin Ayni’s novella “The Death of the Usurer”, against the background of the European tradition of the satirical portrait of the miser represented by Molière’s Harpagon, Pushkin’s Covetous Knight, Balzac’s Gobseck and Gogol’s Plyushkin. Using the comparative-typological method together with the analysis of composition and narrative structure, the study identifies the features that Ayni’s image shares with the world typage of the miser (a single dominant passion, the reduction of the whole person to that passion, comic hyperbole, the self-destruction of the hero) and the features that distinguish it: the frame narration by a student-observer, the anecdotal chain of episodes rooted in the oral tradition of Bukhara, the hypocrisy of religious piety as the mask of greed, and the historical resolution of the plot, in which the hero perishes not from the internal logic of his passion but from the collapse of the social order that produced him. It is concluded that Ayni created a national variant of a transnational typage and that the novella combines the satirical portrait of the European realist tradition with the didactic and anecdotal poetics of Central Asian prose.

Key words: Sadriddin Ayni, usurer, miser, satirical portrait, typology, Balzac, Gogol, Molière, frame narration, Bukhara, realism, national originality.

ОБРАЗ РОСТОВЩИКА В ПОВЕСТИ САДРИДДИНА АЙНИ «СМЕРТЬ РОСТОВЩИКА» И ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ САТИРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СКУПЦА

Аннотация

В статье образ Кори-Ишкамбы, главного героя повести Садриддина Айни «Смерть ростовщика», рассматривается на фоне европейской традиции сатирического портрета скупца, представленной Гарпагоном Мольера, Скупым рыцарем Пушкина, Гобсеком Бальзака и Плюшкиным Гоголя. С помощью сравнительно-типологического метода, дополненного анализом композиции и повествовательной структуры, выявляются черты, роднящие образ Айни с мировым типажом скупца (единственная господствующая страсть, сведение всей личности к этой страсти, комическая гипербола, самоуничтожение героя), и черты, отличающие его: рамочное повествование от лица студента-наблюдателя, анекдотическая цепь эпизодов, восходящая к устной традиции Бухары, религиозное благочестие как маска жадности и историческая развязка сюжета, в которой герой гибнет не по внутренней логике своей страсти, а от крушения общественного порядка, его породившего. Делается вывод о том, что Айни создал национальный вариант транснационального типажа и соединил в повести сатирический портрет европейской реалистической традиции с дидактической и анекдотической поэтикой среднеазиатской прозы.

Ключевые слова: Садриддин Айни, ростовщик, скупец, сатирический портрет, типология, Бальзак, Гоголь, Мольер, рамочное повествование, Бухара, реализм, национальное своеобразие.

SADRIDDIN AYNIYNING “SUDXO‘RNING O‘LIMI” QISSASIDA SUDXO‘R OBRAZI VA XASIS SATIRIK PORTRETINING YEVROPA AN’ANASI

Annotatsiya

Maqolada Sadriddin Ayniyning “Sudxo‘rning o‘limi” qissasi bosh qahramoni Qori Ishkamba obrazi xasisning satirik portreti bo‘yicha Yevropa an’anasi, ya’ni Molyerning Garpagoni, Pushkinning Xasis ritsari, Balzakning Gobseki va Gogolning Plyushkini fonida o‘rganiladi. Qiyosiy-tipologik metod kompozitsiya va hikoya qilish tuzilishi tahlili bilan to‘ldirilgan holda, Ayniy obrazini xasisning jahon tipaji bilan yaqinlashtiruvchi xususiyatlar (yagona hukmron ehtiros, butun shaxsning shu ehtirosga qisqartirilishi, komik giperbola, qahramonning o‘z-o‘zini halok etishi) hamda uni farqlovchi xususiyatlar aniqlanadi: talaba-kuzatuvchi tilidan olib boriladigan ramkali hikoya, Buxoro og‘zaki an’anasiga borib taqaluvchi latifanamo epizodlar zanjiri, ochko‘zlik niqobi sifatidagi diniy taqvodorlik va qahramon o‘z ehtirosining ichki mantig‘idan emas, uni yaratgan ijtimoiy tartibning qulashidan halok bo‘ladigan tarixiy yechim. Ayniy millatlararo tipajning milliy variantini yaratgani va qissada Yevropa realistik an’anasining satirik portretini O‘rta Osiyo nasrining didaktik va latifanamo poetikasi bilan uyg‘unlashtirgani haqida xulosa chiqariladi.

Kalit so‘zlar: Sadriddin Ayniy, sudxo‘r, xasis, satirik portret, tipologiya, Balzak, Gogol, Molyer, ramkali hikoya, Buxoro, realizm, milliy o‘ziga xoslik.

Введение. Повесть Садриддина Айни «Смерть ростовщика» («Марги судхўр»), написанная в 1937 году и существенно расширенная автором в 1953 году, принадлежит к числу тех произведений, на которых держится репутация писателя как основоположника реалистической прозы в таджикской и узбекской литературе XX века. В отличие от больших романов Айни, «Дохунды» и «Рабов», где судьба героя развёрнута на широком историческом фоне, «Смерть ростовщика» сосредоточена на одном характере, и именно эта

сосредоточенность делает повесть удобным материалом для типологического сравнения: образ скупца и ростовщика принадлежит к самым устойчивым типажам мировой литературы, от Гарпагона Мольера до Плюшкина Гоголя, и вопрос о том, как Айни распорядился этим типажом, есть вопрос о соотношении транснационального и национального в его художественном методе.

Актуальность исследования определяется тем, что образ Кори-Ишкамбы традиционно рассматривался в социологическом ключе, как обличение ростовщичества в Бухарском эмирате, тогда как его поэтика, то есть способ построения сатирического портрета, повествовательная рамка и характер развязки, изучена значительно меньше и почти не соотносилась с европейской традицией изображения скупца, которую Айни, читатель русской и переводной литературы, знал. Цель статьи – определить, что в образе Кори-Ишкамбы принадлежит мировому типажу скупца, а что составляет национальное своеобразие повести, и на этой основе уточнить характер реализма Айни. Задачи: описать композицию и повествовательную структуру повести; выделить приёмы сатирической типизации героя; сопоставить его с Гарпагоном, Скупым рыцарем, Гобсеком и Плюшкиным по единым признакам; выявить черты, не имеющие соответствия в европейской традиции.

Обзор литературы. Творчество Айни изучено в советском и постсоветском литературоведении достаточно полно. Основы его научной биографии и характеристики метода заложены И.С. Брагинским, который рассматривал Айни как писателя, соединившего традиции классической персидско-таджикской словесности с реалистическим искусством нового времени [1]. В таджикском литературоведении творчество писателя, включая «Смерть ростовщика», исследовано в работах М. Шукурова и А. Сайфуллаева [2; 3]; в узбекском литературоведении Айни рассматривается как двуязычный писатель, чьи узбекские произведения и автопереводы стали частью узбекской прозы XX века [4; 5]. Сатирическая природа повести отмечалась всеми исследователями, однако сравнение Кори-Ишкамбы с европейскими скупцами, как правило, ограничивалось указанием на сходство с Гобсеком или Плюшкиным без анализа самой структуры образа.

Теоретической опорой для такого анализа служат работы по теории литературного персонажа. Л.Я. Гинзбург показала, что персонаж классицистической и раннереалистической литературы строится как носитель одной господствующей черты, а реализм XIX века разрушил однозначную связь между чертой, мотивом и поступком [6]. В.Е. Хализев различает два значения термина «тип»: персонаж, лишённый индивидуальной многоплановости и воплощающий повторяющуюся схему («типы одной страсти» у Мольера), и любое яркое воплощение общего в индивидуальном [7]. М.М. Бахтин указал на роль авантюрно-бытового хронотопа, в котором герой-наблюдатель проходит через ряд житейских положений, а также на карнавальную природу комического снижения [8]. Эти положения позволяют описать образ Кори-Ишкамбы не как иллюстрацию социальной идеи, а как художественную конструкцию, сопоставимую с другими конструкциями того же ряда.

Методология исследования. Исследование выполнено сравнительно-типологическим методом в понимании В.М. Жирмунского, согласно которому сходные литературные явления, возникающие на сходных ступенях общественного развития, могут и должны сопоставляться независимо от наличия прямых контактов между ними, а всякое заимствование предполагает творческую переработку образа в соответствии с национальной традицией [9]. Единицами сравнения избраны пять признаков, по которым описывается каждый из сопоставляемых образов: господствующая страсть и её мотивировка; приёмы портретной и поведенческой характеристики; повествовательная инстанция, то есть кто и откуда видит героя; отношение героя к среде; развязка, то есть способ, которым автор завершает существование героя. Материалом служат текст повести Айни в русском переводе и в узбекском издании [10; 11], комедия Мольера «Скупой», трагедия Пушкина «Скупой рыцарь», повесть Бальзака «Гобсек» и шестая глава первого тома «Мёртвых душ» Гоголя. Методы анализа композиции и повествовательной структуры дополняют типологическое сравнение.

Анализ и результаты. Композиция и повествовательная рамка. Повесть построена как цепь эпизодов, объединённых фигурой героя и фигурой рассказчика. Рассказчик, молодой студент бухарского медресе, впервые встречает Кори-Ишкамбу в городе и затем наблюдает его в течение нескольких лет; часть эпизодов он видит сам, часть узнаёт от других людей, и эти вставные рассказы образуют второй повествовательный слой. Такая двухслойная структура, свидетельство очевидца и передаваемая из уст в уста молва, восходит к устной анекдотической традиции Бухары, в которой рассказы о знаменитых скупцах, обжорах и лицемерах составляли устойчивый жанр городского фольклора. Айни, собиратель и знаток этой традиции, придал ей форму реалистической повести: анекдот стал эпизодом, молва – характеристикой среды, а студент-наблюдатель – инстанцией, которая соединяет разрозненные случаи в биографию характера. Композиция, таким образом, кумулятивна: каждый новый эпизод не развивает действие, а прибавляет черту к портрету, и повесть движется не сюжетом, а накоплением доказательств.

Приёмы сатирической типизации. Прозвище героя задаёт метод его изображения. «Ишкамба», то есть требуха, желудок, называет одновременно его физическую примету и его сущность: человек сведён к утробе, к поглощению. Портрет строится на комической гиперболе телесного, и телесное обозначает нравственное. Второй приём – контраст между благочестивой маской и содержанием: герой носит титул «кори», чтеца Корана, демонстративно исполняет обряды и в то же время обирает крестьян, доводя их до потери земли; религиозная набожность выступает как форма, в которой жадность легализует себя в глазах бухарского общества. Третий приём – серия бытовых сцен, в которых скупость доводится до абсурда: герой ухитряется кормиться за чужим столом, выгадывает на всём, чем можно выгадать, держит собственный дом впроголодь, и каждая сцена завершается не авторским комментарием, а смехом рассказчика или свидетелей. Четвёртый приём – речевая характеристика: Кори-Ишкамба говорит языком благочестивых формул, которые в его устах становятся инструментом обмана, и комическое несоответствие слова и дела заменяет прямое обличение.

Кори-Ишкамба и европейский скупец: типологическое сходство. По первому признаку, господствующей страсти, Кори-Ишкамба принадлежит к тому же ряду, что Гарпагон и Плюшкин: он «тип одной страсти» в смысле, который Хализев возводит к классицистической традиции [7], и вся его личность сведена к накоплению. По второму признаку, приёмам характеристики, ближе всего Гоголь: Плюшкин, «прореха на человечестве», описан через вещи, через кучу хлама, через костюм, в котором нельзя узнать ни мужчину, ни женщину, и Айни так же описывает своего героя через телесные и

вещные детали, через одежду, обувь, еду. Гипербола, доводящая скупость до абсурда, роднит Кори-Ишкамбу с Гарпагоном, обыскивающим руки слуги, и с Плюшкиным, хранящим засохший кулич. По третьему признаку, повествовательной инстанции, аналог обнаруживается у Бальзака: Гобсек показан глазами молодого стряпчего Дервиля, который наблюдает ростовщика в течение лет и передаёт его историю в рамочном рассказе; студент Айни выполняет ту же функцию наблюдателя, и сама рамка, молодой человек рассказывает о старом ростовщике, совпадает. По четвёртому признаку, отношению к среде, все скупцы европейской традиции противопоставлены обществу: Скупой рыцарь Пушкина одинок в своём подвале, Плюшкин отгородился от мира, Гобсек презирает людей, которых кредитует. Кори-Ишкамба здесь совпадает с ними лишь отчасти, и это отличие рассмотрено ниже. По пятому признаку, развязке, европейская традиция знает два решения: комедийное, при котором скупец посрамлён и обманут (Гарпагон), и трагическое, при котором страсть уничтожает самого носителя (Скупой рыцарь умирает, требуя ключи; Гобсек умирает среди гниющих запасов). Айни выбирает третье, и в нём национальное своеобразие повести проявляется всего отчётливее.

Национальное своеобразие. Первое отличие касается отношения героя к среде. Европейский скупец – одиночка, выпавший из общества; Кори-Ишкамба, напротив, встроен в бухарское общество и пользуется его институтами: он молится в мечети, чтит обряды, кредитует крестьян по обычаю, и его богатство складывается не вопреки общественному порядку, а в согласии с ним. Сатира Айни поэтому направлена не только на характер, но и на среду, которая делает такой характер возможным: скупец у Айни не исключение, а концентрированное выражение правила, и в этом повесть ближе к гоголевской «Шинели», чем к «Скупому». Второе отличие – повествовательная рамка, наполненная устной традицией: вставные рассказы очевидцев не имеют аналога у Бальзака, у которого рассказчик один, и придают образу ту множественность точек зрения, которая в среднеазиатской прозе восходит к жанру ҳикоят и латифа. Третье отличие – религиозная маска: ни один европейский скупец не прикрывается благочестием так последовательно, и мотив лицемерия, унаследованный Айни от сатирической традиции Востока, от Убайда Закани до Ахмада Дониша, соединяет образ ростовщика с образом ханжи. Четвёртое, главное отличие – развязка. Кори-Ишкамба не умирает от собственной страсти, как Скупой рыцарь, и не посрамлён комедийной интригой, как Гарпагон; он умирает от известия о крушении банков, в которых хранил деньги, то есть от исторического события. Смерть ростовщика у Айни – смерть общественного порядка, воплощённого в одном человеке, и здесь повесть выходит за пределы сатирического портрета в область исторического повествования: герой уничтожен не изнутри, а извне, историей, которая отменила условия его существования.

Реализм Айни в свете сравнения. Сравнение позволяет уточнить характер реалистического метода писателя. Гинзбург связывала реализм XIX века с разрушением однозначной связи между чертой, мотивом и поступком [6]; в образе Кори-Ишкамбы эта связь сохранена, поступки прямо следуют из единственной черты, и в этом смысле Айни ближе к Мольеру и Гоголю, чем к психологическому реализму Толстого. Однако жёсткость типажа компенсируется двумя средствами, которых нет в классицистической комедии: множественностью свидетелей, каждый из которых видит героя со своей стороны, и историческим временем, которое вторгается в неподвижный мир анекдота и разрешает его. Реализм Айни, таким образом, есть реализм среды и истории при сохранении типажной конструкции характера, и именно это сочетание объясняет, почему повесть читается одновременно как сатира, как бытовая хроника Бухары и как историческая притча.

Заключение. Образ Кори-Ишкамбы в повести «Смерть ростовщика» принадлежит к мировому типажу скупца по господствующей страсти, по приёмам комической гиперболы и по рамочной инстанции молодого наблюдателя, сближающей повесть с «Гобсеком» Бальзака и «Мёртвыми душами» Гоголя. Национальное своеобразие образа определяется четырьмя чертами: встроенностью героя в общественный порядок, который его породил; многоголосой повествовательной рамкой, восходящей к устной анекдотической традиции Бухары; религиозным благочестием как маской жадности, унаследованной от восточной сатиры на ханжество; и исторической развязкой, в которой герой гибнет от крушения социального мира, а не от внутренней логики страсти. Айни создал национальный вариант транснационального типажа, соединив сатирический портрет европейской реалистической традиции с дидактической и анекдотической поэтикой среднеазиатской прозы, и это соединение, а не следование одной из традиций, составляет существо его реалистического метода. Перспективу дальнейшего исследования составляет сопоставление таджикской и узбекской редакций повести, которое позволило бы проверить, как двуязычие писателя отразилось на поэтике сатирического портрета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский И.С. Жизнь и творчество Садриддина Айни. – М.: Советский писатель, 1959.
2. Шукуров М. Садриддин Айни: Очерк жизни и творчества. – Душанбе: Ирфон, 1978.
3. Сайфуллоев А. Садриддин Айни. – Душанбе: Ирфон, 1978.
4. Ойбек. Садриддин Айний // Ойбек. Мукаммал асарлар тўплами. – Тошкент: Фан, 1975–1985 (том и страницы уточнить по изданию).
5. Мирвалиев С., Шокирова Р. Ўзбек адиблари. – Тошкент: Фан, 2007.
6. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – С. 4–5, 89.
7. Хализев В.Е. Теория литературы. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 45–46, 197–199.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 272–284.
9. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – С. 7, 74–75.
10. Айни С. Смерть ростовщика // Айни С. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1971–1975 (том и страницы уточнить по изданию).
11. Айний С. Судхўрнинг ўлими // Айний С. Асарлар: 8 томлик. – Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1963–1967 (том и страницы уточнить по изданию).
12. Мольер Ж.-Б. Скупой // Мольер Ж.-Б. Собрание сочинений: В 2 т. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1957.
13. Пушкин А.С. Скупой рыцарь // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Т. 5. – Л.: Наука, 1978.
14. Бальзак О. де. Гобсек // Бальзак О. де. Собрание сочинений: В 24 т. – Т. 3. – М.: Правда, 1960.
15. Гоголь Н.В. Мёртвые души // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 5. – М.: Художественная литература, 1967.